

Викентий Вересаев

На повороте

Викентий Вересаев

На повороте

«Public Domain»

1901

Вересаев В. В.

На повороте / В. В. Вересаев — «Public Domain», 1901

«Токарева встретили на вокзале его сестра Таня и фельдшерица земской больницы Варвара Васильевна Изворова. Токарев оглядывал Таню и в десятый раз повторял:– Вот уж не ждал-то, что увижу тебя здесь. Варвара Васильевна сказала:– А какая досадная вещь вышла... Я вам писала, – директор банка обещал мне немедленно дать вам место в банке, как только приедете. Вчера захожу к нему, – оказывается, он совсем неожиданно уехал за границу В Карлсбаде у него опасно заболела дочь. Спрашивала я помощника директора, ему он ничего не говорил о вас. Такая досада. Придется вам ждать, пока воротится директор...»

Содержание

I	5
II	11
III	17
IV	19
V	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Викентий Вересаев

На повороте

I

Токарева встретили на вокзале его сестра Таня и фельдшерица земской больницы Варвара Васильевна Изворова. Токарев оглядывал Таню и в десятый раз повторил:

– Вот уж не ждал-то, что увижу тебя здесь.

Варвара Васильевна сказала:

– А какая досадная вещь вышла... Я вам писала, – директор банка обещал мне немедленно дать вам место в банке, как только приедете. Вчера захожу к нему, – оказывается, он совсем неожиданно уехал за границу в Карлсбаде у него опасно заболела дочь. Спрашивала я помощника директора, ему он ничего не говорил о вас. Такая досада. Придется вам ждать, пока воротится директор.

Варвара Васильевна говорила извиняющимся голосом, как будто была виновата в неожиданном отъезде директора. Токарев улыбнулся ее тону.

– Так ведь не на год же уехал директор?

– Нет, конечно. На месяц, самое большее – на два. А покамест, знаете что? Поедьте к нам в деревню. Я с завтрашнего числа получаю в больнице отпуск, нынче или завтра приедут из деревни лошади.

Токарев радостно воскликнул:

– Варвара Васильевна, да ведь это превосходно. Чего ж вы за меня огорчаетесь? Пожить в деревне – лучшего я бы и сам для себя не придумал...

Подошел носильщик с вещами.

– Куда прикажете извозчика брать?

Токарев веселый и оживленный, взял ремни с пледом.

– Какая у вас тут есть гостиница недорогая?

– Ну, вот еще, зачем гостиница? – встрепенулась Таня. – Остановишься у нас в колонии.

Токарев поднял брови.

– В колонии?.. Посмотрим, что за колония.

Они вышли из вокзала. Варвара Васильевна сказала:

– Поезжайте, господа. А мне нужно еще забежать в больницу, сделать две перевязки. Я сейчас буду у вас.

Токарев и Таня сели на извозчика и поехали к городу. Солнце садилось, над шоссе стояла золотистая пыль, и сам воздух казался от нее золотым. Токарев, улыбаясь, смотрел на Таню.

– Расскажи ты мне толком, как ты сюда попала. В феврале последний раз написала из Петербурга и после этого как в воду канула.

– Я тебе говорила, всю весну мы пробыли тут на голоде, в Артемьевском уезде. Ну, я тебе скажу, – и насмотрелись. Жутко вспомнить. До июня пробыли там и все просадили, у кого какие были деньги; то есть, понимаешь, ни гроша ни у кого не осталось. Ну, вот и пошли в Томилиnsk.

– Пошли?

– Где шли, где на товарном поезде ехали... Очень было весело. Здесь раздобыли работы, – кто по статистике, кто уроков. Живем все вместе, – целый, брат, дом нанимаем. За три рубля в месяц. Вот увидишь, славные подобрались ребята.

– Я кое-что слышал о твоей деятельности на голоде. В вагоне я разговорился с одним земским врачом, – Рассудин, кажется, фамилия. Он мне много рассказывал про тебя.

– Рассудин? Что, что он говорил? – быстро спросила Таня и с любопытством подняла голову. Ее большие глаза самолюбиво заблестели.

Токарев лукаво улыбнулся.

– Одним словом, одобрял. А передавать не стану, – загордился... А скажи ты мне лучше вот что: когда ты уехала на голод?

– В марте месяце.

– Как же ты с экзаменами устроилась? Перешла на следующий курс?

– Я уж зимою вышла с курсов.

– Вы-ышла? – протянул Токарев и замолчал. – Почему? – коротко спросил он.

– На что они мне. Курсы важны только вначале, чтоб приобрести знакомства, попасть в известную среду. А раз это уж есть, то что в них?

Токарев потемнел.

– Странно... Курсы, во всяком случае, дают систематическое знание.

Таня рассмеялась.

– Систематическое знание... Диплом они дают, а не систематическое знание. Мне не шестнадцать лет, я и без профессорской указки сумею приобрести знания.

– Я не понимаю, ведь тебе всего один год оставался до окончания, – раздраженно сказал Токарев. – Что помещал бы тебе диплом? Кто знает, что может случиться в будущем, – почему его не иметь на всякий случай?

– Господи, как это скучно – о будущем думать. Не боюсь я никакого будущего, всегда сумею прожить и без диплома. Ведь тебе вот тоже оставался всего год до диплома, – не получил, и что ж? Большая от этого беда?

Токарев нахмурился и молчал.

Пролетка переваливалась из ямы в яму по немощеной, изрытой промоинами улице. Под заборами, в бурьяне, валялись дохлые кошки и арбузные корки. Пролетка остановилась у покосившихся ворот небольшого дома. На скамеечке сидел подслеповатый, бритый старик в жилетке и железных очках. Таня крикнула:

– Иван Финогеныч, пожалуйста, откройте нам ворота.

Старик оглядел пролетку и молча пошел отпирать. Они въехали на заросший муравкою двор. В его углу, около садовой калитки, стоял крохотный флигелек. На крыльцо вышли два студента.

Токарев и Таня сошли наземь. Таня сказала:

– Знакомьтесь, господа. Это мой брат, я вам о нем говорила.

Студенты, немного стесняясь, назвали себя и пожали Токареву руку.

– Шеметов.

– Борисоглебский.

Шеметов, стройный парень в синей рубашке, исподлобья взглянул на Токарева.

– Давайте-ка, я вам снесу. – Взял из его рук чемодан и удивился. – У-ух, тяжелый какой.

Огромный Борисоглебский крутил на подбородке жесткие черные волосики. Заикаясь, он спросил:

– Чай будете пить? Сейчас запалим самоварчик.

Вошли через сенцы в тесную комнату с грязными, полуоборванными обоями. Везде валялись книги. К стене были пришпилены булавками портреты Маркса, Чернышевского и Горького.

Шеметов ушел за булками и закусками. Борисоглебский возился в сенцах с самоваром.

Таня села на кровать.

– Ну, вот тебе наша колония... Третьего, Вегнера, еще нету, – ушел куда-то... Она помолчала.

– Ну, расскажи же, что ты подельывал в Пожарске?

У Токарева еще не совсем прошло враждебное чувство к Тане. Он неохотно ответил:

– Да нечего рассказывать. Приехал туда из ссылки, служил в управлении железной дороги, ты знаешь. Прослужил год, штаты сократили, я и остался на мели.

– Ну, а что за народ там?

– Никакого «народу» нет, одни лишь обыватели. Скука, тишь, только книгами и спасался. Совершенно мертвый городишко.

Воротился из булочной Шеметов. В сенцах раздался его ворчливый голос:

– Несчастное дитя природы, он все тут с самоваром киснет... Пусти.

– Погоди, углей надо подкинуть, – возразил Борисоглебский.

– Уйди, постылый. «Углей»! Углей довольно, нужно сапогом раздуть... Вот так. Видал? Э, как пошла... «Угле-ей»...

Таня слушала, улыбаясь.

– Милый парень этот Шеметов. Смотрит исподлобья, голос свирепый, а такая мягкая, деликатная душа. На голоде Вегнер заболел у нас сыпным тифом. Посмотрел бы ты, как он за ним ухаживал: словно мать.

Самовар подали. Сели пить чай.

Пришла Варвара Васильевна вместе с Вегнером. Невысокий и сутулый, с впалой грудью, Вегнер с застенчивой улыбкой пожал руку Токареву и молча сел за чай. Варвара Васильевна с торжеством объявила:

– Сейчас спасла Вегнера от расторгуевских собак. Подхожу к углу, вижу, – собаки его окружили, заливаются, а он стоит и собирается применить свой способ. Еле успела ему помешать.

Все засмеялись. Токарев спросил:

– А что это за способ?

– У него свой особенный способ есть отпугивать собак, самый верный. Если бросится собака, нужно только присесть на корточки и грозно взглянуть ей в глаза – она сейчас же подожмет хвост и убежит.

– Только никак он себе грозного взгляда не может выработать, – заметил Шеметов.

– В этом-то его и горе... Недавно, на голоде, пошел он к лавочнику покупать соли для своей столовой. Выскочила громадная собака; он присел на корточки и грозно взглянул ей в глаза, а она как цапнет его за нос.

Вегнер с улыбкой качал головою.

– Как все точно! Я только говорил вам, что слышал на голоде от одного пономаря о таком способе. А вы каждый день рассказываете, как будто все это и вправду было, – даже знаете, что именно я шел покупать к какому-то лавочнику.

– И завтра будет рассказано так же, – неумолимо сказала Варвара Васильевна.

Темнело. Сменили второй самовар. В маленькие окна тянуло из сада росистой свежестью и запахом спелых вишен. Токарев взял со стола продолговатую серенькую книжку и стал просматривать. Это были протоколы недавнего ганноверского съезда немецкой социал-демократической партии¹.

Таня заглянула, какую он взял книжку.

– Вот. Правда, характерно? Весь съезд целиком был посвящен книжонке Бернштейна... Нечего было больше делать.

Токарев перевертывал страницы книжки и сдержанно возразил:

– По-моему, Бернштейн над очень многим заставляет задуматься.

Таня изумилась.

¹ Съезд состоялся в Ганновере в 1899 году и осудил Э. Бернштейна, автора книги «Проблемы социализма» (1898), в которой ревизуются основные положения марксизма.

– Господи, Володя! Ну, над чем он может заставить задуматься? Ведь это просто банкрот – успокоившийся, присмиривший и трусливый. И ведь до чего он гаденко-труслив: у него даже не хватает мужества прямо отречься от прежних «мечтаний»...

– Не вижу у него трусости. Напротив, нужно было большое мужество, чтобы выступить с такою книгою. И ни от каких мечтаний он не отказывается, он восстает только против трескучих фраз.

Вегнер слегка покраснел и, пощипывая бородку, спросил:

– Но этого-то вы не будете отрицать, что он – филистер до мозга костей?

– Я этого не отрицаю, – поспешно сказал Токарев. – Но это нисколько не мешает быть его книге по существу глубоко верною. Филистерство остается при авторе, а в книге его все-таки больше настоящего, реалистического марксизма, чем в правоверном марксизме.

Таня насмешливо улыбнулась.

– Удивительное дело. Ты согласен, что он насквозь пропитан филистерством; как же это филистерство может не отражаться на самой сути его построений? Как будто филистерство – это так себе, маленький придаток, который не стоит ни в какой связи с остальным.

Спор разгорелся жестокий. Вмешались другие, и было столько мнений, сколько спорящих. Таня спорила резко, насмешливо, не брезгала софизмами и переименованием слов противника. Ее большие глаза с суровою враждою смотрели на Токарева и на всех, кто хоть сколько-нибудь высказывался за ненавистного ей Бернштейна. Было уж за полночь, в комнате стоял душный табачный дым, а в окна тянуло свежую и глубокою тишиною спавшей ночи.

Варвара Васильевна взглянула на часы и всполошилась.

– Господи, мне уж давно пора в больницу С двенадцати часов начинается мое дежурство, а теперь уж двадцать минут первого. Прощайте, господа!

Она поспешно надела шляпу, протянула руку Токареву.

– Приходите завтра, я с двенадцати часов буду свободна. – И быстро ушла.

– Ну, пора бы уж и спать, – сказал Токарев. – Правду говоря, голова трещит с дороги.

Он беспомощно огляделся: где его могут тут положить?

– Мы вам сейчас устроим постель, – сказал Шеметов и встал.

Таня опять стала милою и радушною. Она воскликнула:

– Нет, нет, не надо. У вас тут клопов много. Он у меня наверно будет спать, а я пойду ночевать к Варе. Пойдем, Володя.

По крутой лесенке из сенец они поднялись наверх. В крохотной комнатке было жарко от железной крыши и душно, как в бане. Книги и статистические листки валялись на полу, на стульях, на кровати. На столе лежала черная юбка. Таня поспешно повесила ее на гвоздь.

– Ну, вот тебе комната... Тебе не будет жестко спать? – спросила Таня и пощупала рукою свою кровать.

Токарев был приятно возбужден спором и общей атмосферой, от которой уж стал отвыкать. Он рассеянно ответил:

– Нет, ничего.

– Ну, спи... Прощай.

Таня пошла к двери. Вспомнила что-то и остановилась.

– Да, вот что. Не возьмешься ли ты обделать тут одно дельце?

Токарев насторожился.

– Что такое?

– Видишь ли... Какое впечатление произвела на тебя Варвара Васильевна?

– Право, не могу сказать, – я ее слишком мало видел.

– Она очень живой человек и дельный. Между тем вот уж третий год киснет тут в Томилинске, в больнице, – отслуживает земскую стипендию. Ей положительно невозможно здесь оставаться, необходимо перетащить ее в Петербург.

– Ну, да... Но что же я тут могу сделать?

– Видишь ли, мне говорила Варя, ты знал в Петербурге ее двоюродную сестру Засецкую; она кончила на фельдшерских курсах двумя годами раньше Вари. Так вот, эта Засецкая теперь замужем здесь за членом управы Будиновским – либеральный земец, влиятельный человек. Познакомься с ними, они как раз третьего дня приехали на неделю из деревни. Ты человек солидный. Подействуй на Будиновского, уговори его, чтоб Варю сократили срок службы в земстве.

– Она что же, сама хочет этого?

– Ей ничего об этом и говорить не нужно. Она такая щепетильная, ни за что не согласится.

– Вот странно. Какое же мы имеем право без ее разрешения хлопотать за нее?

– Ах ты, господи! – Таня досадливо передернула плечами и быстро прошла по комнате. – Ну, я не знаю, – как хочешь, а здесь ей невозможно оставаться. Я прямо не могу с этим примириться.

– Проведать Засецкую я не прочь, мне интересно повидать ее. Но хлопотать за Варвару Васильевну без ее разрешения – это, по-моему, бесцеремонно прежде всего по отношению к ней же самой... А скажи, пожалуйста, я и не знал, что Варвара Васильевна получала стипендию; ведь ее родители – богатые люди, имеют имение под Томилином.

– Да, только оно все в долгах, усадьба разваливается, отец сильно в карты играет. Они только наружно богаты... Ну, однако, прощай. Спи... Так завтра мы все-таки пойдем к Будиновским.

Таня ушла. Токарев сел на окно, закурил папироску. Росистый сад, облитый лунным светом, словно замер. Было очень тихо. Только изредка полно и увесисто шлепалось о землю упавшее с дерева яблоко. Вдали кричали петухи.

Варвара Васильевна произвела на Токарева довольно бледное и расхолаживающее впечатление. А между тем в Пожарске и раньше – в Вятской губернии он думал о ней с сладким и захватывающим чувством. В Петербурге они были хорошо знакомы. Время стояло горячее, волна общественного настроения начинала подниматься все выше, они не заметили, как сближение их стало чем-то большим, чем дружба. Однажды вечером, вдруг, в неожиданном порыве, Токарев высказал Варваре Васильевне то, что он к ней чувствовал; Варвара Васильевна резко и испуганно отшатнулась и с этого времени стала все больше замыкаться и отдаляться от Токарева. А между тем он чувствовал, что и она любит его... Вскоре Токарева арестовали, потом сослали в Вятскую губернию. Они все время переписывались, и в этой переписке образ Варвары Васильевны делался для него все светлее, чище и дороже. Теперь, увидев ее, он почувствовал разочарование. Идеальный образ, увеличенный расстоянием, оделся плотью и превратился в обыкновенную девушку, – к тому же бледную, похудевшую и постаревшую; только лицо ее, строгое и красивое, немножко подходило к прежней мечте.

Токарев начал раздеваться. Сел на кровать, чтоб снять ботинки, уперся в нее руками – и остановился.

– Одна-ако!.. – Он поднял одеяло и простыни. На сосновых подставках лежали три неоструганных доски, покрытые тонким солдатским сукном, – и больше ничего, это была вся постель.

Токарев расхохотался. Он вспомнил, как Таня спрашивала: «Не жестко будет тебе?»

– Да, «не жестко», – громко сказал он, щупая ладонью твердые доски. Охватило горячее умиление к Тане; видимо, ей самой это действительно не жестко; она заботилась, чтоб ему было поудобнее; он сказал: «Не будет жестко», – и она успокоилась.

Токарев развязал свои ремни, уложил на доски пальто, подушки, плед, все, что было в комнате из Таниной одежды, и кое-как устроил сносную постель. Все улыбаясь, он потушил свечу и лег.

Прошел час, другой, – Токарев не мог заснуть. Было душно, кусали комары и мошки, жесткие Танины простыни терли тело. Наложённые вместо тюфяка вещи образовали в постели бугры, и никак нельзя было удобно улечься. Хотелось пить, а воды не было. Токарев лежал потный, угрюмый и злой и вспоминал свою уютную квартиру в Пожарске. Опять он бездомен. Будущее темно и неверно, и что хорошего может он ждать от этого будущего?

II

В широком коридоре больницы пахло валерианкой и мятой. Таня постучала в небольшую белую дверь. Ответа не было. Она отворила дверь. Комната была пуста.

– Ну, так я и думала. Вари еще нет. А уж второй час. Наверно, помогает кому-нибудь управляться. Я положительно не видывала, чтоб человек когда-нибудь так работал. С утра до ночи возится с больными, все служащие выезжают на ней и сваливают на нее всю работу, а она и в ус себе не дует.

Комната была большая и чистая, два окна выходили в больничный сад.

Токарев сел в кресло и закурил папиросу. Таня прошла по комнате, остановилась перед этажеркой и стала пересматривать книги. За дверью тонкий женский голос спросил:

– Варенька, вы у себя?

Таня поморщилась.

– Ее нет здесь.

В комнату, с книжкой в руках, вошла молодая девушка в сером платье – бледная, с круглыми, странно-светлыми голубыми глазами. Токарев поднялся с кресла. – Здравствуйте, Татьяна Николаевна. Варенька скоро придет?

– Не знаю я, – хмуро ответила Таня.

Девушка растерянно поглядывала на Токарева. Таня пробурчала:

– Мой брат. Ольга Петровна Темпераментова.

Темпераментова почтительно пожала руку Токарева.

– Я очень рада, мне Варенька столько рассказывала про вас. Она ужасно рада, что вы перебираетесь из Пожарска в Томилиnsk... Я эти дни как раз вспоминала об вас: я вот читаю Варенькину книжку, Энгельса, «О происхождении семьи», с вашей надписью ей... Какая книжка, просто замечательно! Так глубоко, так ясно все изложено... Как неопровержимо доказывается правильность материализма...

Слова сыпались, как мелкие горошины, – ровные, круглые и сухие. На душе сразу стало сухо и пусто. Токарев слушал, стараясь изобразить на лице внимание. Таня села к окну и стала читать. А Ольга Петровна со своими растерянными, странно-голубыми глазами продолжала высипать свое восхищение от книжки.

Пришла, наконец, Варвара Васильевна. Она сняла больничный халат, поспешно вышла и воротилась с горячим кофейником. Сиделка внесла поднос с чашками.

– Ну, слава богу. Свободна, – облегченно вздохнула Варвара Васильевна и села на кровать.

– Долгонько вы «освободились», – с улыбкой заметил Токарев.

Темпераментова влюбленными глазами следила за Варварой Васильевной.

– Ведь вы не знаете, Варенька такая добросовестная. Всем ей нужно помочь, за всем присмотреть. Главный доктор прямо говорит, что ею держится вся больница...

– Варя, пойдемте сейчас к Будиновским, – прервала Таня. – Володя хотел бы повидать Марию Михайловну.

– Отлично. Сейчас после кофе и пойдем.

Сели пить кофе. Ольга Петровна сыпала своим пустым разговором, время шло томи-тельно и угнетающе. Все поспешили кончить.

Вышли на улицу. Таня шла, нахмуренная и злая.

– По-моему, это профанация Энгельса – давать его читать таким господам. Не понимаю, чего вы возитесь с нею. Ведь пять минут побыть с нею – это каторга.

– Скучновата она, верно, – согласилась Варвара Васильевна. – Да и навязчива немножко. А все-таки она очень хороший человек... и несчастный. С утра до ночи бегаёт по урокам, на ее руках больной отец и целая куча сестреноч; из-за этого не пошла на курсы...

На тихой Старо-Дворянской улице серел широкий дом с большими окнами. Густые ясени через забор сада раскинули над тротуаром темный навес. Варвара Васильевна позвонила. Вошли в прихожую. В дверях залы появилась молодая дама в светлой блузе – белая и полная, с красивыми синими глазами.

– А-а, Варенька! Редкий гость. – Она радостно поцеловалась с Варварой Васильевной. Потом с недоумевающей улыбкой прищурила близорукие глаза на Токарева.

– Не узнаете, Марья Михайловна? – улыбнулся Токарев.

– Ах, господи, да это Владимир Николаевич! Я слышала от Вареньки, что вы перебираетесь в Томилино... Как же вы изменились! Ну, здравствуйте, здравствуйте! – Она крепко, несколько раз, пожала руку Токарева. – Пойдемте, господа, в кабинет... Боря, иди сюда! К нам гости!

Мягко ступая летними башмаками, из кабинета медленно вышел высокий, плотный господин с русою бородкою, остриженной клинышком. Марья Михайловна перезнакомила всех. Вошли в просторный, прохладный кабинет.

– Это Токарев, Владимир Николаевич... Я тебе часто рассказывала про него. Приятелями были в Петербурге.

На дубовом письменном столе в порядке лежали книги и бумаги. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь жалюзи, весело играли на зеленом сукне стола и на яркой бронзе письменных принадлежностей. У окон величественные латании, нежные арки и кенции переплетали узоры своих листьев. В кабинете было комфортно и уютно.

– Я слышал, вы переселяетесь к нам в Томилино? – медленно спросил Будиновский, глядя на Токарева спокойными, серьезными глазами.

Он стал расспрашивать Токарева о его прежней жизни, слушал и сочувственно кивал головою. Токарев рассказывал, а сам приглядывался к Марье Михайловне. В Петербурге, курсисткой, она была тоненькая и худенькая, с большими, чудесными глазами, полными беспокойства и вопроса. Теперь глаза смотрели мягко и удовлетворенно. Красивое, полное тело под легкую блузу дышало тихим покоем.

– Да, Варвара Васильевна, я вам хотел сообщить, – вспомнил Будиновский. – Вы простите меня, но я вашего заявления до сведения управы не довел.

Варвара Васильевна нахмурилась и холодно сказала:

– Очень жаль. В таком случае я сама напишу председателю.

– Вот, Владимир Николаевич, подействуйте хоть вы на Варвару Васильевну, – с улыбкой обратился Будиновский к Токареву. – Весною на земском собрании мы единогласно постановили выразить Варваре Васильевне благодарность за ее сердечное и добросовестное отношение к больным в нашей больнице. Послали ей соответствующую бумагу, а она в ответ подала мне заявление, что не нуждается в нашей благодарности... Ну как можно это делать?

– А как можно благодарить человека за то, что он исполняет взятые на себя обязанности? – резко возразила Варвара Васильевна. – Благодарят за самое обыкновенное исполнение своих обязанностей! Да ведь это дико! Этак скоро дождешься еще благодарности за то, что не обворовываешь больных и не берешь с них взятки!

Будиновский улыбался, забавляясь ее негодованием.

– Мы благодарили вас именно за особенное отношение к своим обязанностям, а не за обычное, формальное; отзвонил, и с колокольни долой!

– Ну, не стоит об этом говорить! Дело само по себе слишком ясно. Я работаю вовсе не для вашего земского собрания, и мне решительно все равно, одобряет оно меня или порицает.

В ее голосе зазвенели слезы обиды. Она быстро прошлась по кабинету и, закусив губу, остановилась у окна. Будиновский посмеивался. Токареву тоже было немножко смешно. Таня слушала, внимательно насторожившись, глаза ее блестели; у нее создавался новый план.

Вошла горничная и доложила, что подано кушать. Марья Михайловна встала.

– Господа, пойдемте обедать!

Направились в столовую. Таня отстала от других и остановила Будиновского.

– Борис Александрович, мне нужно с вами поговорить.

Будиновский с удивлением посмотрел на Таню и любезно сказал:

– Пожалуйста! В чем дело?

– Видите ли... Вы сейчас рассказывали, как довольна управа службою Варвары Васильевны. Ей еще год нужно отслужить стипендию... Нельзя ли, во внимание к ее выдающейся деятельности, устроить так, чтоб простить ей этот год?

Будиновский, наклонив голову, внимательно слушал.

– Я не совсем вас понимаю... Зачем ей это нужно?

– Затем, что тогда она может уехать отсюда, – в Петербург, например. Ее только отслуживание стипендии и удерживает здесь.

– Я этого не знал.

Будиновский в замешательстве погладил бородку и медленно прошелся по кабинету.

– Откровенно говоря, мне сделать это чрезвычайно неудобно. Вы знаете, Варвара Васильевна – двоюродная сестра моей жены. На меня и так все косятся за мой последний доклад о недостатках постановки народного образования в нашей губернии; если же я предложу сделать, что вы желаете, то все скажут, что я «радею родному человечку»².

– Господи, стоит на это обращать внимание!

– Очень даже стоит, – серьезно возразил Будиновский.

– Что же теперь делать? – Таня задумалась. Вот что: тогда познакомьте меня с каким-нибудь другим влиятельным членом управы.

«Вот неугомонная!» – подумал Будиновский и неохотно ответил:

– Сейчас все разъехались из города. Раньше осени все равно ничего нельзя сделать.

– Господа! Идите же обедать! – крикнула из столовой Марья Михайловна.

Таня быстро сказала:

– Только, пожалуйста, не говорите Вале о нашем разговоре.

Они пошли в столовую. По тарелкам уж была разлита ботвинья с розовыми ломтиками лососины и прозрачными кусочками льда. На конце стола сидел рядом с бонной шестилетний сын Будиновских, в матроске, с мягкими, длинными и кудрявыми волосами. Он с любопытством глядел на Токарева и вдруг спросил:

– Зачем у тебя синие очки?

– Ах, Кока, ну что тебе за дело? – рассмеялась Марья Михайловна. – У дяди глазки болят.

– Глазки болят... Тогда нужно компрессы, – уверенно сказал Кока.

– Какой опытный окулист! – улыбнулся Будиновский Токареву.

Марья Михайловна вздохнула.

– Да, тут станешь опытным!.. Всю эту зиму он у нас прохворал глазами; должно быть, простудился прошлым летом, когда мы ездили по Волге. Пришлось к профессорам возить его в Москву... Такой комичный мальчугашка! – Она засмеялась. – Представьте себе: едем мы по Волге на пароходе, стоим на палубе. Я говорю. «Ну, Кока, я сейчас возьму папу за ноги и брошу в Волгу!..» А он отвечает: «Ах, мама, пожалуйста, не делай этого! Я ужасно не люблю, когда папу берут за ноги и бросают в Волгу!..»

Все рассмеялись. Кока, ухмыляясь, оглядывал смеющихся.

² Заимствование у А. С. Грибоедова (см. комедию «Горе от ума», действие 2, явление 4).

В передней раздался звонок. Вошел красивый студент в серой тужурке, с ним молодая девушка – розовая, с длинной косою. Это приехали за Варварой Васильевной из деревни ее брат Сергей и сестра Катя.

Сергей, только что вошел, быстро спросил:

– Получила отпуск?

– Получила!

– Чудесно! Значит, едем!

– Сережа, Катя! Садитесь скорей, ешьте ботвинью! – сказала Марья Михайловна.

Пришедшие поздоровались. Сергей крепко и радостно пожал руку Токареву, – видимо, он уж слышал о нем от сестры.

– А мы с Катей приехали, сунулись к тебе, – обратился Сергей к Варваре Васильевне. – Тебя нету, сидит только девица эта... Как ее? С психологической такой фамилией. Сказала, что вы сюда пошли... Ну, а ты, шиш, как поживаешь? – спросил он Коку. – Дифтеритом не заразился еще? Пора бы, брат, пора бы тебе схватить хороший дифтеритик.

– Ах, Сережа, ну что это такое?! – воскликнула Марья Михайловна.

– Нет, ей-богу, следовало бы ему заразиться! Живут в деревне, мать – по образованию фельдшерица и не позволяет бабам приносить к себе больных ребят, – заразят ее Коку!

Марья Михайловна заволновалась.

– Ну, Сережа, мы лучше об этом не будем говорить! Я не могу заниматься общественными делами. Женщина, имея детей, должна жить для них – это мое глубокое убеждение.

Сергей изумленно вытаращил глаза.

– Какое же это общественное дело – каломелю или хинину дать ребенку?

– Мы делаем для народа все, что можем. Благодаря Борису в нашем уезде прибавлено восемь новых фельдшерских пунктов, увеличена сумма, отпускаемая на лекарства... Мы за это имеем право не подвергать опасности Коку. Я могу жертвовать собою, а не ребенком... Владимир Николаевич, что ж вы себе лафиту не наливаете? Боря, налей Владимиру Николаевичу... Нет, право, эта молодежь – такая всегда прямолинейная, – обратилась она к Токареву. – Недавно продали мы наше мценское имение, – только одни расходы с ним. Сережа смеется: будете, говорит, теперь стричь купоны?... Я решительно не понимаю, – что ж дурного в том, чтоб купоны стричь? Почему это хуже, чем хозяйничать в имении?

– Я ничего против купонов не имею, – возразил Сергей с легкой улыбкой. – Но Борису Александровичу не восемьдесят лет, чтобы сидеть на ворохе бумаг и резать купоны.

– Это все равно. Мы не имеем права рисковать капиталом.

– Почему так?

Марья Михайловна поправила кольца на белых, мягких пальцах.

– Деньги от мценского имения целиком должны остаться для Коки.

После цыплят подали мороженое, потом кофе. Сергей перешептывался с Таней. Будиновский курил сигару и своим медленным, слегка меланхолическим голосом рассказывал Токареву об учрежденном им в Томилинке обществе трезвости.

– А какую прекрасную публичную лекцию в пользу этого общества прочел у нас недавно Осьмериков, Алексей Кузьмич, – обратилась Марья Михайловна к Токареву. – О рентгеновских лучах... Это учитель гимназии нашей, – такой талантливый человек, удивительно! И как его дети любят! Вот, если бы у нас все такие учителя были, я бы не боялась отдать Коку в гимназию.

– Действительно, удивительно дети его любят, – сказала Варвара Васильевна. – Весною встретилась я с ним на улице, идет в целой толпе гимназистиков. Разговариваю с ним, а мальчуган сзади стоит и тихо, любовно гладит его рукою по рукаву... Так жалко его, беднягу, – в злейшей чахотке человек.

– Только ужасно долго он лекцию эту читал, – улыбулась Марья Михайловна. – Два часа без перерыву. Хотя и демонстрации были, а все-таки утомительно слушать два часа подряд.

– Да, у нас вообще не привыкли долго слушать, – сказал Токарев. – Вот в Германии, там простой рабочий слушает речь или лекцию три-четыре часа подряд, и ничего, не устает.

– Так это почему? Они сидят себе, пьют пиво и слушают; женщины вяжут чулки... Когда чем-нибудь занимаешься, всегда легче слушать. Да вот, например, мы иногда с Борисом читаем по вечерам «Русское богатство». Я читаю, а он слушает и рисует лошадиные головки. Это очень помогает слушать.

Сергей расхохотался.

– Ч-черт знает, что такое... Лошадиные головки... А ведь остроумно вы это придумали!

Он смеялся самым искренним, веселым смехом. Будиновский сконфузился и нахмурился.

– Ну, Маша, что ты такое рассказываешь? Просто, я вожу машинально карандашом по листу, а по твоему рассказу выходит так, что без лошадиных головок я и слушать не могу.

Марья Михайловна стала оправдываться.

– Нет, я только говорю, что это все-таки помогает сосредоточиваться. Ведь, правда, как-то легче слушать.

Сергей несколько раз замолкал и опять прорывался смехом. Таня скучала. Варвара Васильевна перевела разговор на другое.

Опять раздался звонок. Вошел господин невысокого роста и худой, с большою, остриженной под гребешок головою и оттопыренными ушами; лицо у него было коричневого, нездорового цвета, летний пиджак болтался на костлявых плечах, как на вешалке.

– А-а, Алексей Кузьмич! – приветливо протянула Марья Михайловна. – Вот легок на помине. А мы только что говорили о вашей лекции. Все от нее положительно в восторге.

– Угу! – пробурчал Осьмериков и подошел поздороваться, – подошел, втянув наклоненную голову в поднятые плечи, как будто ждал, что Марья Михайловна сейчас ударит его по голове палкою.

– Ну, здравствуйте, – сказал он сиплым голосом, сел и нервно провел рукой по стриженной голове. – А я слышал от Викентия Францевича, что вы приехали, вот забежал к вам... Да, вот что! Кстати! – Осьмериков тусклыми глазами уставился на Сергея. – Скажите, вы не знаете, Коломенцев Александр кончает в этом году?

– Уж кончил, кажется, – небрежно ответил Сергей. – Даже при университете оставлен.

– А-а! – хрипло произнес Осьмериков. – Дай бог дай бог!

– Ну, не знаю, чего тут «дай бог». Ведь это полнейшая бездарность.

Осьмериков своим сиплым, срывающимся голосом возразил:

– Зато работник! Это гораздо важнее! Для жизни нужны работники, а не одаренные люди... Ох, уж эти мне одаренные люди! Вы мне, пожалуйста, не говорите про них, я им ничего не доверю, никакого дела, – вашим «одаренным людям».

– Одн-нако! – удивился Сергей. – Уж что-то другое, а бездарность-профессор – это нечто прямо невозможное.

– Да ведь светочей-то среди них – всего два-три процента, не больше! – воскликнул Осьмериков. – А остальные... Вот я недавно был в Москве на физико-математическом съезде. Ужас, ужас!.. У-ужас! – Он поднялся с места и быстро огляделся по сторонам. – Где люди? Нету их. Профессор математики, ученый человек, европейская величина, а заставь его поговорить с ребенком – он не может! Слишком сам он большая величина. Ребенок для него – логарифм! Вот такая коробочка, в которую нужно запихивать знания, пихай! Извольте видеть? Во-от-с!.. А я вам скажу: умный человек не тот, кто умеет логически мыслить, а тот, кто понимает чужую логику и умеет в нее войти. Вот иной раз у меня же в классе. Толкуешь, толкуешь мальчишке, – никак не возьмет в толк. Кто виноват? Я! Я не поймал его логики!.. Вызовешь другого

мальца: ты понял? – Понял! – Ну, ступай с ним за доску, объясни ему там... И объяснит. А я вот, старый дурак, не сумел!

Он снова быстро сел на стул и придвинулся с ним к столу. Сергей неохотно возразил:

– Так вот, ведь вы, именно, и доказываете, что педагогом может быть только одаренный человек.

– Нет-с, нет-с, я этого не доказываю! Нужно быть только добросовестным работником, не смотреть на жизнь свысока, не презирать ее! Не презирать чужой души, не презирать чужой логики!

Осьмериков говорил быстро, нервно и глядел на Сергея тусклыми, как будто бесцветными и в то же время проницательными глазами.

– Бездарный работник именно на это-то и не способен, – сказал Сергей.

– Почему нет? Почему нет?

– Потому что он слишком преклоняется перед...

– Почему нет?

– ...перед собственной логикой. Она для него все.

– Нам нужны «большие дела», на малые мы плюем. Почему нет?

Осьмериков снова порывисто встал и начал оглядываться, как будто собирался немедленно уйти, потом опять сел.

– «Одаренные люди»!.. О господи! Избави нашу жизнь от одаренных людей! Они-то все и баламутят, они-то и мешают нормальному течению жизни... Вот, я вам прямо скажу: вы – одаренный человек. Я все время видел это, когда вы были моим учеником. И тогда же я сказал себе: для жизни от вас проку не будет... Вас вот в прошлом ходу исключили из Московского университета, через год исключат из Юрьевского. И кончите вы жизнь мелким чинушей в акцизе или сопьетесь с кругом. Почему? Потому что нам нужно «большое дело», обыденный, будничный труд для нас скучен и пошл, к «пай-мальчикам» мы питаем органическое отвращение!

– Верно! Прямо органическое отвращение питаю!

Осьмериков обрадовался.

– Ну, во-от! Не правда, что?.. Серые, обыденные люди для вас не существуют, они для вас – вот тут, под диваном... Милый мой, дорогой! Жизнь жива серыми, тусклыми людьми, ее большое дело творится из малого, скучного и ничтожного!

Таня встала.

– Мне пора идти! – сказала она. – Нужно еще поспеть в статистический комитет.

– Господа! Пойдемте, нам ведь тоже уж давно пора! – обратился Сергей к остальным.

III

Они вышли. Вечерело. Вдали еще шумел город, но уже чувствовалась наступающая тишина. По бокам широкой и пустынной Старо-Дворянской улицы тянулись домики, тонувшие в садах. От широкой улицы они казались странно маленькими и низенькими.

– Кто этот гриб? – спросила Таня.

Сергей усмехнулся.

– Осьмериков-то?.. Чистая душа!.. Ведь действительно вся душа светится. Но сколько он народу среди учеников перепортил своею чистою душою!

– Как душно с ними! – Таня быстро повела плечами. – И какое все кругом маленькое, низенькое, смиренное! Совсем вот, как эти домики... И арифметика, и чувства – все какое-то особенное: малое больше большого, серое ярче красного.

– А как вы нашли Марью Михайловну? – обратилась Варвара Васильевна к Токареву.

– Какая она стала... мягкая и белая! – улыбнулся Токарев.

– Страшно! Страшно, как человек меняется! – задумчиво сказала Варвара Васильевна. – Ведь одно лишь имя осталось от прежнего. Что значит семья и дети...

– Да, – вздохнул Сергей, – много я видал семейных счастлих и нахожу, что на свете ничего нет тухлее семейного счастья.

– И это положительно что-то роковое лежит в женщине, – продолжала Варвара Васильевна, – ребенок заслоняет от нее весь большой мир... Нет, страшно, страшно!.. Никогда бы не пошла замуж!

Таня с неопределенною улыбкою возразила:

– Я не знаю, – отчего? Все зависит от самого человека. Я бы вышла, если бы захотела.

– Совершенно с вами согласен, – решительно сказал Сергей. – Люди устраивают себе тухлятину. Винаваты в этом только они сами. Почему отсюда следует, что нужно давить себя, связывать, взваливать на себя какие-то аскетические ограничения? Раз это – потребность, то она свята, и бежать от нее стыдно и смешно... Эх, ночь какая будет! Господа, чуete? Давайте, выедем сегодня же. Лошади отдохнули, а ночи теперь лунные, светлые... Заберем всю колонию с собою и поедем.

У Тани разгорелись глаза.

– Вот это славно!.. Им всем полезно будет отдохнуть: в Питере жили черт знает как, на голоде сами голодали, а тут уж совсем пооблезли... Превосходно! Все и поедем!

Когда они пришли в колонию, там все сидели за работой. Сергей объявил:

– Ну, ребята, одевайтесь! Едем в деревню!

– Да ну-у? – просиял Борисоглебский. – Вот так здорово! Серьезно?

Таня оживленно говорила:

– Статистику заберем с собою, и там можно будет работать! А деревня, говорят, чудесная. Славно недельку проживем.

Митрыч слабо свистнул и с торжествующим видом запрыгал по комнате, неуклюже поднимая ножищи в больших сапогах.

– Чай, и простокваша есть у вас там?.. Собирайся, ребята!

– Ишь, зачуял простоквашу, выиграл!.. Ну, забирайте вашу статистику, одевайтесь. А я пойду на постоянный, велю закладывать лошадей. – Сергей ушел.

Варвара Васильевна сказала:

– Только, господа, еще одно: нужно будет и Ольгу Петровну взять с собою, Темпераментову.

Таня скорбно уронила руки и застонала.

– Ну, Таня, ну что же делать? Пускай и она немного отдохнет. Ведь совсем, бедная, заработалась за зиму.

– Отрава! – вздохнул Митрыч. – Аппетита к жизни лишает человека! А что оно, конечно, того... Нужно же и девчонке отдохнуть, это верно.

В девятом часу вечера из города выехал запряженный тройкою тарантас, битком набитый народом. Сидели на козлах, на приступочках, везде. Сергей правил.

– Селедки, селедки моченые! – тонким голосом кричал Шеметов, когда навстречу попадались проезжие мужики.

Тарантас выкатил на мягкую дорогу. Заря догорела, взошла луна. Лошади бежали бойко, Сергей ухал и свистал, в тарантасе спорили, пели, смеялись.

Была глухая ночь, когда гости приехали в Изворовку. Их не ждали. Встала хозяйка Конкордия Сергеевна Изворова, суетливая, радушная старушка. Подали молока, простокваши, холодной баранины. Сонные девки натаскали в гостиную свежего сена и постелили гостям постели. Уж светало, когда все – оживленные, веселые и смертельно усталые – залегли спать и заснули мертвецки.

IV

Изворовка была старинная барская усадьба – большая и когда-то роскошная, но теперь все в ней разрушалось. На огромном доме крыша проржавела, штукатурка облупилась, службы разваливались. Великолепен был только сад – тенистый и заросший, с кирпичными развалинами оранжерей и бань. Сам Изворов, Василий Васильевич, с утра до вечера пропадал в поле. Он был работник, хозяйничал усердно, но все, что вырабатывал с имения, проигрывал в карты.

Жизнь для гостей текла привольная. Вставали поздно, купались. Потом пили чай и расходились по саду заниматься. На скамейках аллей, в беседках, на земле под кустами, везде сидели и читали, – в одиночку или вместе. После завтрака играли в крокет или в городки, слушали Катину игру на рояли. Вечером уходили гулять и возвращались поздно ночью. Токарев чувствовал себя очень хорошо в молодой компании и наслаждался жизнью.

Прошла неделя. Завтра «колония» должна была уезжать. На прощание решили идти куда-нибудь подальше и прогулять всю ночь. Был шестой час вечера. Токарев и студенты сидели с простынями под ближними елками и ждали, когда выкупаются барышни. День был очень жаркий и тихий, в воздухе парило.

Сергей крикнул:

– Эй, девицы! Скорей! Прохлаждаются себе уж два часа, а тут кисни... Эй, барышни! Потопли вы там, что ли?

От террасы быстро прошла по дорожке Таня с простынею на плече и книгою под мышкой.

– Тэ-тэ-тэ!.. Татьяна Николаевна! Это что же, вы только еще идете купаться?

Таня быстро ответила:

– Я в одну минуту буду готова, только один раз окунусь.

– Слушай, Таня, ведь это невозможно, – раздражаясь, сказал Токарев. – Ведь кричали тебе купаться, – нет, сидела и читала, а знаешь, что люди ждут. А когда кончают, теперь идешь. Еще полчаса ждать!

– Ну, вот увидишь, я с ними в одно время ворочусь. – И Таня прошла.

Токарев прикусил губу, стараясь не показать своего раздражения. Как раз вчера утром он проспал и шел купаться, когда там уже купались, а Таня сидела под елками и ждала. Она энергично воспротивилась и не пустила его, – по одиночке будете ходить, так целый день придется тут ждать... А сегодня сама делает то же самое... Шеметов сидел на столе и лениво раскачивал ногами.

– Черт возьми, голова трещит! Облом этот Митрыч в восемь часов сегодня поднял... Слушай, Сережка, убери ты его, пожалуйста, от нас в другую комнату, я с ним, с подлецом, не могу спать.

Митрыч, ослабив лицо, посмеивался.

– Ты же сам вчера просил разбудить тебя.

– А сегодня утром я тебя просил не будить... Черт знает, как восемь часов, – хватает и стаскивает с постели. Этакая свинья!

– А уж Сашка-то тут извивается! – засмеялся Вегнер. – Осторожнее, ты меня запутал!.. Ой, Митрыч, оставь, я очень похудел!.. Бог знает, что говорит, и самым серьезным, озабоченным тоном.

– Потеха у нас... того... бывает с ними по утрам! – обратился Митрыч к Токареву. – Вечером просят будить: это, говорят, разврат – спать до полудня. Ну, я и стараюсь. Значит, стащишь Сашку с постели, он ругается, а потом вдруг вскочит и бросится немца стаскивать.

Шеметов сердито говорил:

– Нет, я, главное, не понимаю, для чего будить! Невыспавшийся человек не в состоянии работать; что же он? Будет только сидеть над книгой и клевать носом. Это все равно, что пустым ведром воду черпать!

– Гм... – Сергей задумался. – А ты полагаешь, что обыкновенно воду черпают полным ведром?

– Полным, пустым – мне все равно. Я ваших глупых пословиц вовсе не желаю знать.

– Он вообще насчет пословиц и цитат любитель, – заметил Вегнер. – Вчера вдруг провозглашает:

На свете много есть, мой друг Горацио,
Чего нехитрому уму не выдумать и век!

Уверяет, что это Шекспир сказал...³

Сергей заорал:

– Эй, вы, девицы! Скоро вы?

От пруда донесся голос Тани:

– Сейча-ас.

Но там все слышались плеск воды и смех.

Токарев кипел. Что за бесцеремонность! Она даже и не считает нужным поторопиться!.. Вообще за эту неделю у Токарева много накопилось против Тани. Приехавшая с ними из Томилинска Темпераментова была действительно невыносимо скучна, но так третировать человека, как третировала ее Таня, было положительно невозможно. Больше же всего Токарева возмущало в Тани ее невыносимое разгильдяйство, – она приехала сюда, не взяв с собою из одежды решительно ничего, – не стоит возиться, а тут без церемонии носила белье и платья Варвары Васильевны и Кати. Так же она относилась и к чужим деньгам: Токарев из своего скудного заработка в Пожарске высылал ей в Петербург денег, чтоб дать возможность кончить курсы; ни разу она не отказалась от денег, хотя могли же быть у нее хоть иногда кой-какие заработки; этою весною она вышла с курсов, ничего ему даже не написала, а деньги от него продолжала получать.

Наконец, со стороны пруда раздалось:

– Идите!.. Можно!

Барышни поднимались по тропинке. Таня сказала Токареву:

– Ну, видишь, в одно время кончила со всеми!

Он ничего не ответил и прошел мимо.

Горячее солнце играло на глади большого пруда, старые ивы на плотине свешивали ветви к воде. От берега шли мостки к купальне, обтянутой ветхою, посеревшею парусиною, но все раздевались на берегу, на лавочках под большою березою.

Шеметов и Сергей лениво разделись и остались сидеть на скамейке. Вегнер уж давно был в воде. Маленький и юркий, он, как рыба, нырял и плескался посредине пруда. Шеметов спросил:

– Слушай, немец, вода теплая?

– Приятная! – значительно крикнул Вегнер.

– Гм... – Шеметов взошел на мостки и попробовал ногою воду. – Да-а, «приятная»!..

Борисоглебский стоял на берегу – огромный, мускулистый и голый, обросший жесткими черными волосами, с странно шурившимся без очков глазами. Протянув руку вперед, он пел своею глубокою, рычащею октавою:

³ «Гамлет», действие 1, явление 5.

Проклятый мир!
Презренный мир!
Несчастный,
Ненавистный мне...

Ой, черт!..

Шеметов с мостков брызнул в него водою. Борисоглебский серьезно сказал:

– Ну, что за свинья! Ведь холодная она, вода-то! – Он потер себе бок и продолжал:

Несчастный,
Ненавистный мне мир!..

Сергей перемигнулся с Шеметовым и Вегнером, с невинным видом вошел в воду, – и на Митрыча полился целый дождь брызг.

– Чер-рти!! – зарычал Митрыч и ринулся на них. Вегнер и Сергей, как лягушки, бросились в воду. Шеметов перед носом Митрыча захлопнул дверь купальни и заперся на крючок. Митрыч, сильный, как медведь, плавал плохо и в воде чувствовал себя неуверенно.

– Погодите вы, черти! Выйдете на берег, я вас каждого заставлю «Проклятый мир» спеть!

Шеметов из купальни крикнул:

– Ребята! Заключим против него общий морской союз!

– Идет! – отозвался с середины пруда Сергей. – Лезь в воду, Сашка!

– Да вода, брат, холодная!

Борисоглебский на берегу пел:

Сражался я, искал я смерти,
Но остался жив...

Сергей и Вегнер тихо, стараясь не шуметь, подплывали к купальне.

– Ой, подлецы!.. Карау-ул!! – завопил вдруг в запертой купальне Шеметов под хохот других голосов. Сергей и Вегнер нырнули в купальню и обрызгали Шеметова.

– Ой!.. Погодите, мне вам что-то нужно сказать! – кричал Шеметов, а вода бурлила в купальне, и брызги взлетали высоко вверх.

Дверь хлопнула, и Шеметов бомбою вылетел на берег.

И будешь ты царицей ми-и-ира
Подруга первая моя... – ⁴

рвякнул Борисоглебский и, широко расставив руки, облапил Шеметова.

Шеметов серьезным, озабоченным тоном говорил:

– Ой, Митрыч, погоди! Что мне тебе нужно сказать!.. Поосторожнее, пожалуйста, я запутался!

– Он запутался! – смеялись в купальне.

– Пой: «Проклятый мир!»

– Убирайся к черту!.. Ах ты, кутья несчастная!

Шеметов ловко дернулся и охватил Борисоглебского. Началась борьба. Шеметов, ловкий и стройный, искусно увертывался от попыток Митрыча сломить ему спину. Тела переплелись, напрягшиеся крепкие мышцы оставляли на коже красные следы. Митрыч с силою налег на

⁴ Ария из оперы А. Г. Рубинштейна «Демон» (1872), написанной на слова поэмы М. Ю. Лермонтова.

Шеметова, тот увернулся и брякнул Митрыча наземь, но Митрыч уж на земле подмял его под себя.

Задыхаясь, он навалился на Шеметова.

– А-а, брат!.. Ну, пой: «Проклятый мир!»

И запустил ему толстый большой палец под ребра.

– Бо-ольно, Митрошка!

– Пой: «Проклятый мир!»

– Ой-ой!.. Кишки выдавишь, свинья!

– Пой, – сейчас пушу!.. «Прокля-атый мир!..»

Шеметов неистово завопил:

– «Проклятый мир!»

– «Презре-енный мир!.. Несчастный!..» – подсказывал Борисоглебский и ворочал пальцем под ребрами Шеметова.

– «Презренный мир!..» Ой, Митрофан проклятый, саврас без узды!..

Митрыч мрачно и сосредоточенно подсказывал:

– «Несча-астный...»

– «Несча-астный...»

– Морской союз идет на континент! – крикнул Сергей.

Он и Вегнер выскочили из воды и вцепились в Митрыча.

Четыре тела слились в общую кучу. Они возились и барахтались на траве. Мелькало красное, напряженное лицо Митрыча и его огромные мускулистые руки, охватывавшие сразу двоих, а то и всех троих. Токарев сидел на скамейке, смеялся и смотрел на борьбу. Ему бросилось в глаза злобно-нахмуренное лицо Сергея, придавленного к земле локтем Митрыча. Наконец, Борисоглебского подмяли под низ, и все трое навалились на него.

Все еще со злым лицом, Сергей запустил ему палец в живот и крикнул:

– Пой: «Проклятый мир!»

– «Прокля-атый мир!» – покорно заорал Митрыч – так дико, что галки на ивах всполохнулись и с криком полетели прочь.

– Дальше.

– «Презре-енный мир!.. Несчастный!.. Ненавистный мне мир!..»

Его выпустили. Все поднялись – красные, взлохмаченные, задыхающиеся. Шеметов поглаживал ладонью бока и возмущался.

– Этакая гнусная привычка! Чуть что, сейчас палец под девятое ребро, – рад, что анатомию знает, – и пой ему: «Проклятый мир...» Да, может быть, я в этот момент совсем не расположен петь?

– Скоты такие! Самому мне все брюхо разворочали! – сказал Митрыч.

– Ну, ребята, довольно возиться! – объявил Шеметов. – Нужно купаться. Чур, не брызгаться... – Он вздохнул. – Только у меня что-то уж и охота прошла в воду лезть.

– А раньше большая охота была! – засмеялся Вегнер.

– Молчи ты, плюгаш паршивый! Предатель! Я с тобой и разговаривать не хочу... Владимир Николаевич, – обратился он к Токареву, – пойдете в купальню, как полагается приличным людям.

Он взял Токарева под руку и важно прошел с ним в купальню.

– Ишь, всю купальню замочили! Порядочному человеку и выкупаться нельзя!

– Ну, вправду, ребята, чур, не брызгаться! Будет! – сказал Борисоглебский.

Вегнер и Сергей поплыли на ту сторону пруда. Митрыч три раза окунулся в купальне и вылез в пруд.

– У-у, пес твою голову отверти! Хорошо!

Он в восторге гоготал, подпрыгивал и окунался до плеч. Токарев тоже влез в воду. Только Шеметов стоял, опираясь о перекладину купальни, и болтал ногою в воде. Он ворчливо говорил:

– Ключи у вас здесь какие-то быют на дне, что ли? Вода какая холодная!

– Лезь, Сашка, а то опять обрызгаю! – крикнул с того берега Сергей.

– Я тебе «обрызгаю»! – погрозились Шеметов и вздохнул. – Нет, ей-богу, я нахожу это прямо безнравственным: зачем я буду насиловать свое тело? Я и без того прозяб, инстинкт тянет меня согреться, а какой-то нелепый долг повелевает лезть в холодную воду.

Митрыч стоял по грудь в воде и мылил голову. Шеметов встрепенулся, тихонько соскользнул в купальню и исчез под водою.

– У-у-уй!!! – завопил Митрыч и шарахнулся к берегу.

Из воды вынырнуло смеющееся лицо Шеметова.

– Ну, брат, напугал ты меня! Я думал – рак!

– «Ра-ак...» Будешь ты вперед «Проклятый мир» заставляя меня петь?

Сергей крикнул:

– Ну, ребята, одевайся! Скорей! А то поздно будет!

Они оделись и пошли к Дому.

На широкой каменной террасе, заросшей диким плющом, кипел самовар. Все уж пили чай. Конкордия Сергеевна растирала деревянную ложкою горчицу в глиняной миске.

Катя выставила из-за самовара свое розовое молодое лицо и лукаво спросила:

– Какую это вы, Шеметов, песню пели на берегу?

Шеметов вздохнул:

– Это мы с Митрычем спевались. Дуэт из «Демона». Он Демона пел, а я Тамару, – томно сказал он. – А что, хорошо? Производит эстетическое впечатление?

– Прелестно! Производит...

– То-то! – проворчал Шеметов. – А вы думали, что только вы способны доставлять эстетическое наслаждение, разыгрывая своих Шопенгауэров?

Катя расхохоталась и в восторге забила в ладоши. Варвара Васильевна невинно спросила:

– А это хороший композитор – Шопенгауэр?

– Он Шопена хотел сказать! – засмеялась Катя. И все засмеялись. Шеметов презрительно оглядывал их.

– Смеются!.. Как будто композиторы бывают только в области музыки!

– А где ж они еще бывают? – спросил Вегнер.

– Где! Да хоть в философии. Среди твоих немцев есть целый ряд философов-композиторов, – например, тот же Шопенгауэр, Ницше... Платон...

– Да Платон вовсе не немец.

– Поэтому я об нем и не говорю. Вот еще – Фихте...

– Ну, ну, припомни, каких ты еще философов слышал, – засмеялся Сергей. – Вали: Гегель, Лейбниц, Шеллинг, Кант...

Шеметов сердито ответил:

– Нет, они были сухими рационалистами. В них не было этого... порыва, экстаза, что ли...

– Какой нахал! – вздохнул Вегнер.

– А каким голосом говорит свирепым, как будто хочет смертоубийство совершить? – воскликнула Варвара Васильевна.

– Я самым обыкновенным голосом говорю.

– Да, обыкновенным! – сказала Катя. – Мама, смотри, он тебе голову скусит! Налей ему поскорее чаю, умилостивь его!

– А, чтоб вас бог любил! – смеялась Конкордия Сергеевна, разливая в стаканы чай.

Все усердно ели и пили. Пришел Василий Васильевич, загорелый старик в больших сапогах и парусиновом пиджаке. Конкордия Сергеевна налила ему чай в большую, фарфоровую кружку с золотыми инициалами. Василий Васильевич стал пить, не выпуская из рук черешневого мундштука с дымящеюся папиросою. Он молча слушал разговоры, и под его седыми усами пробегала легкая, скрытая усмешка.

Таня встала.

– Ну, господа, напились? Пойдемте!

– Идем!

V

Быстрым шагом они шли по дороге среди ржи. Солнце садилось в багровые тучи. Небо было покрыто тяжелыми, лохматыми облаками, на юге стояла синеватая муть.

Безветренный, неподвижный воздух как будто замер в могильной тишине.

Сергей, с странным, нервным блеском в глазах, радостно потер руки.

– Гроза будет! Чувется в воздухе!

– Господа, пойдете подальше! – оживленно сказала Таня. – Ведите, Сергей Васильевич!.. Да поскорее, господа, что так медленно?

Катя засмеялась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.